
ЭССЕ

ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ ТРАВМЫ, ВЫЗВАННОЙ ЗНАКОМСТВОМ С АРХИВНЫМ СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛОМ РЕПРЕССИРОВАННОГО РОДСТВЕННИКА

Н.А. ШЕМАНОВА*,

Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного
университета, Москва, Россия, autumn57@mail.ru

Описывается случай знакомства с архивным следственным делом расстрелянного репрессированного родственника и появления отсроченного посттравматического стресса. Обсуждаются переживания, возникающие при знакомстве с делом репрессированного родственника: страх, обида и смятение, стыд, желание сохранить тайну. Рассматривается отличие переживаний родственников жертв ГУЛАГА от родственников жертв других исторических событий и катастроф. Обсуждается роль защитных и адаптивных механизмов, помогающих преодолеть психологическую травму.

Ключевые слова: посттравматический стресс, отсроченная реакция, проекция, защитные механизмы, репрессированный родственник, травма.

Для цитаты:

Шеманова Н.А. Опыт разрешения травмы, вызванной знакомством с архивным следственным делом репрессированного родственника // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 1. С. 169—180. doi: 10.17759/cpp.20162401011

* Шеманова Наталья Алексеевна, ведущий специалист по учебно-методической работе, Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, autumn57@mail.ru

Карташеву Давиду Марковичу

Введение

В различные периоды жизни у человека возникает желание вернуться к своим корням и узнать больше о родителях и прародителях. Это необходимо для построения собственной идентичности. И если в молодости отец и мать, дед и бабушка являются образцами для построения идентичности, то в период, условно называемый второй половиной жизни, эти фигуры помогают человеку осмыслить собственную историю. Надо отметить, что после сорока лет у людей может возникать внутренняя потребность вспоминать своих родителей, дедов и прадедов [8].

В судьбы сотен тысяч людей XX века вмешались сталинские репрессии, и эти события продолжают оказывать свое трагическое влияние, но уже на потомков репрессированных. Знакомство с архивными следственными делами репрессированных родственников может вызвать у потомков переживание посттравматического стресса. При этом посттравматический стресс, пережитый потомками репрессированных, имеет свои особенности.

Психологи неоднократно обращались к различным аспектам психологической работы с людьми, пережившими травму. В профессиональной литературе описаны этапы переживания травматического события, защитные механизмы, возникающие при этой травме, представлен опыт психотерапии с людьми, имеющими травматический опыт [6; 7; 9]. В этих работах представлено описание переживаний, сопровождающих травму, и адаптивных механизмов, которые используются, чтобы справиться с переживаемыми кризисами. Согласно Р. Мусу, кризис выдвигает перед человеком задачи, которые ему необходимо решить: установить смысл и понять личностное значение ситуации; выполнить внешние по отношению к самому событию, но необходимые действия, например, похороны после смерти; поддержание отношений с близкими людьми, которые нарушаются при столкновении с травмой; управление своими чувствами и сохранение эмоционального баланса; сохранение образа себя и поддержание самооценки.

Р. Мус описал адаптивные механизмы преодоления кризиса, которые включают когнитивные, поведенческие и аффективные компоненты. К ним относятся: *логический анализ*; *когнитивное переопределение* (этот навык помогает принять реальность события); *когнитивное избегание* (отрицание как механизм преодоления часто оценивается негативно, но оно предоставляет «пространство для дыхания», где люди предохраняются от разрушения и им дается время, чтобы консолидировать другие личностные ресурсы для преодоления); *поиск информации и поддержки* (исследо-

вание возможных альтернативных способов действия, поиск поддержки семьи, друзей и других людей, находящихся рядом в социуме); *выполнение внешних по отношению к самому событию действий*; *поиск альтернативы* (потребность направить энергию на поиск альтернативных смыслов); *альтернативные регуляции* (контроль за своими эмоциями); *эмоциональная разрядка* (открытый выход своим чувствам); *принятие ситуации* [9].

Э. ван Альфен говорит о психологических различиях тех, чьи предки пережили ГУЛАГ, и тех, кто пережил, например, Холокост. Потомки, идентифицируя себя со своим предками, пережившими Холокост, испытывают скорбь. В отличие от них, потомки, чьи родные стали жертвами ГУЛАГа, испытывают чувство стыда, вызванного тайной. Э. ван Альфен объясняет это тем, что в большинстве своем все репрессированные были патриотами, преданными стране, коммунистами, а судили их бывшие соратники-коммунисты, объявляя «врагами народа». Потомки, идентифицируя себя с родственниками, начинают чувствовать ту же раздвоенность, которую испытывали их родные [1].

В данной статье представлено описание переживаний, когнитивных изменений и способов поведения, которые могут возникать у потомков при знакомстве с архивным следственным делом репрессированных родственников, а также проиллюстрированы адаптивные механизмы, которые помогают преодолеть психологическую травму. Знакомство с архивным делом можно отнести к отсроченной реакции горя, поскольку эта травма не была пережита потомком ранее.

Некоторое время назад мне стало интересно просматривать документы моих родных: аттестаты, справки, письма, фотографии. Я знала, что мой родной дедушка со стороны матери подвергся репрессиям во время «Большого террора». Меня все это интересовало, и когда я случайно узнала, что могу ознакомиться с делом моего расстрелянного дедушки Давида, во мне что-то шевельнулось — как будто треснул лед в глубине души, который годами покрывал память о нем. Пласты льда стали медленно сдвигаться. Своего дедушку я совсем не знала. Мама мне о нем ничего не рассказывала: ей было девять лет, когда его расстреляли. Бабушка его вспоминала, но нечасто. Меня подталкивала какая-то внутренняя сила; как магнитом, меня стало тянуть в эту сторону. Все сильнее возникало желание узнать подробности жизни моего дедушки: найти его анкеты, узнать подробности о его смерти. В детстве мне просто говорили, что дедушка умер, потом, когда я становилась более взрослой, стали объяснять, что он был незаслуженно расстрелян. В семье никто этого не скрывал.

Я знала, что дедушка Давид родился в Запорожье. Он окончил гимназию и ушел воевать на гражданскую войну. В период революции он взял себе подпольную кличку Карташев. После революции они поселились в

Харькове, где дедушка и бабушка окончили Харьковский институт народного хозяйства, а чуть позже переехали жить в Москву. Я знала, что дедушку направили работать директором на завод Ростсельмаш, где он и был арестован и расстрелян в 1938 году. Это все, что я знала о дедушке.

Тень

Все эти годы дедушка существовал в моей семье в приглушенных размытых тонах. Его помнили, но каким он был, никто не вспоминал. Я ведь о нем знала мало: писем и документов не осталось. Их либо забрали во время обыска у моей бабушки, либо бабушка, боясь ареста, сама все уничтожила. Остались только фотографии, на которых я видела его молодое живое лицо.

Несколько десятилетий он был глубоко спрятан в сердцах моих родных. Почти всю жизнь в анкетах мама писала, что она дочь «врага народа». Дедушка как бы был вытеснен из семьи, хотя его тень всегда присутствовала: он и был в семье, и не было его. Думаю, что все, что было связано с ним, хотелось забыть и не вспоминать. Это была травма, которая затронула всех нас — его близких. Тогда, в сталинское время, из учебников вычеркивали имена, вырезали фотографии. Люди исчезали не только из жизни, но и из семей. А мне надо было включить его в мою жизнь, в мою семью. Вписать и вернуть дедушку в мою семейную память. Постараться снять тайну, травматический момент с воспоминаний о нем.

Страх

Я написала письмо, сделала копии документов о родстве, но месяц не могла заставить себя пойти на почту и отправить его. Чего я боялась? Боялась неизвестности. Боялась столкнуться со страданиями близкого человека, боялась узнать что-то, что меня потрясет. «Что я там увижу? — думала я. — Я не хочу идти в органы, убившие его».

Я тянула и не отправляла письмо. Но потом решилась. Месяца через полтора мне пришел ответ, из которого я поняла, что дело уже находится в Москве по такому-то адресу, указан контактный телефон для связи. Я созвонилась с женщиной-сотрудницей. Голос в трубке был живой, участливый, дающий поддержку.

— Я приду с сыном, — сказала я.

— Очень хорошо, приходите. Как придете, позвоните.

Страх понемногу стал исчезать. Но все равно было очень страшно.

Накануне ночью я несколько раз просыпалась и слушала стук своего сердца.

«Что бы я там ни увидела — надо принять и осмыслить. Хотя я дедушку и не видела, но он мой близкий родственник. Надо попытаться

разделить с ним и с моей семьей это несчастье. Мне дана такая возможность», — постоянно размышляла я.

Я и хотела идти туда, и не хотела. Шла так, как ходят на экзамен, на суд. Готовилась разделить с моим близким человеком его жизнь и его смерть. Хотела вписать его жизнь в свою жизнь, не отказываясь от него и от его смерти. Я должна быть готова ко всему, что там увижу, к любым подробностям о его смерти.

Мы пришли в условленное время, сотрудница провела нас в отдельную комнату, дала нам дело и все объяснила — где начало, где судебное заседание, где реабилитация.

Все листы в папке были пожелтевшими от времени. Сначала была анкета. Практически ничего нового я из нее не узнала. Дата и место рождения. Образование — высшее. Без подробностей. Затем опись, ордер и другие безликие документы. Затем два длинных напечатанных на машинке допроса, состоявшихся через два месяца после ареста. Читаю. Свидетельствует и признает себя членом троцкистской террористической организации. Перечисляются еще несколько фамилий, с которыми он занимался вредительством. Специально делали брак на заводе. Протоколы подписаны дедушкой. У меня все внутри начинает сжиматься, темнеть в глазах.

— Что это? — произнесла я.

— Да-м. ... Дает показания против себя и против других, — ответил мне и себе сын.

Дедушка — воевавший, не из трусливых — давал ложные показания на себя и оговаривал других людей. Меня, когда я смотрела на эти подписанные допросы, не покидала странная мысль, что это просто шизофрения, раздвоение. Это невозможно понять, но в то время существовали два параллельных мира. Власть требовала, чтобы следователи создавали миф о вредительстве. «Как такое могло произойти? — крутилось в моей голове. Патриотов, верных граждан убивали ни за что. Требовали под пытками подписи». Мне казалось, что этого не могло быть. Я знала, что репрессии организовывал Сталин, прочитала много книг на эту тему. Поэт Н. Заболоцкий вспоминал, как, сидя в тюрьме, он думал, что НКВД захвачен фашистами [3]. В это действительно трудно поверить, как и в фашистские лагеря смерти. Проще все отрицать и сказать, что этого не было, что это неправда.

Мы просматривали страницу за страницей. У меня все сжималось внутри, темнело в глазах. Мне ничего не говорили безликие листы допросов. Далее следовали материалы судебного заседания. На суде ничего не сказал, ничего не отрицал. Только в конце фраза, что «просит кровью смыть позор», то есть просит расстрела.

Я знала о расстреле дедушки еще тогда, когда была ребенком. Но, смотря эти документы, я с трудом осознавала, что человек, о котором

в них написано и в отношении которого возбуждено дело, мой близкий родственник, тот самый, о котором вспоминала мама и бабушка. Не осознавалось, что эта подпись в документах — подпись моего дедушки, близкого маме человека. Знакомство с делом давало какое-то новое переживание, новый взгляд.

Смятение

Я и сын хотели увидеть в этих документах то, что дедушка был «героем» и ничего не подписывал на следствии или хотя бы отказался на суде. А он все подписал и на суде не отказался от своих слов. Я понимала, что, вероятно, его пытали во время допросов. Но почему на суде не отказался? Непонятно.

Нам все разрешили скопировать. Дома стали обсуждать, спорить.

«Получается, что он сломался, — говорит мне сын. — Для меня это важно, он же мой прадед».

У меня в голове все смешалось, лезли разные мысли. Я понимала, что надо как-то понять, объяснить, осмыслить, встретиться с ним.

«Почему молчал и не отрицал? Почему просил расстрела? Некоторые люди отрицали ложь хотя бы на судах. Некоторые ничего не отрицали на суде и просили о том, чтобы их послали на работы в лагерь, хотя их тоже приговаривали к расстрелу. Это можно объяснить. Они пытались обмануть смерть, договориться с ней. Но дедушка молчал на суде. Что стоит за этим молчанием и просьбой о расстреле?» — задавала я себе вопрос. Да, я кое-что узнала, и это очень важно, но это знание только вскрыло трагедию семьи и увеличило количество вопросов.

Первая встреча с близким, и такая травмирующая, такая отчаянная, пронзительная. Первая встреча в момент смерти. Как себя может чувствовать человек, знакомящийся со своим близким родственником, которого он никогда ранее не встречал? Он хочет понять его и почувствовать. А за этими документами, с которыми мне дали ознакомиться, ничего не стояло. Это формальная и жесткая встреча, представленная в таком грубом виде. Все эти увиденные документы абсолютно безликие. Что он думал перед смертью?

Боль моего родственника, раны, нанесенные маме и бабушке, передавались и мне. Я себя чувствовала частью семьи, которая перенесла страхи и страдание. Я делила эти страдания с моими родными. Я соотносила себя с моими близкими, с моим дедушкой. Ощущение унижения, оскорбление близкого мне человека меня резануло. Схожее чувство унижения близкого я испытывала, когда машина сбила моего отца на смерть. Или же когда умер мой дядя, и после морга при прощании я увидела шрам у него на лице, которого ранее не было. Тогда я почувствовала насилие, которое было совершено над телом близкого мне человека.

Дома я каждый вечер всматривалась в документы. Каждый раз у меня начинало все сводить и казалось, что это все неправда.

С первых же минут, когда я вновь начинала смотреть документы, настоящее исчезало, и я мысленно перемещалась в прошлое. Я погружалась в атмосферу «Большого террора». Как будто все это произошло совсем недавно. Реальная жизнь уходила в сторону и шла параллельно с миром репрессий.

Я вспоминала все то, что мне рассказывала бабушка об этом времени. Я чувствовала этот страх, который испытывали они тогда. Как после ареста дедушки у нее делали обыск и как стало меняться к ней отношение некоторых сослуживцев. Как потом ее мать ходила по инстанциям, пытаясь выяснить что-нибудь. Близкие бабушку не пускали, боясь, что ее арестуют. А в карательных учреждениях говорили: «Пусть приходит жена, ей и расскажем». Мысли крутились то о том, что его пытали, то о том, почему некоторые отказывались на суде, а он нет. Опять просматривала копии документов. У меня снова все сжималось. Потом я опять шла на работу и вновь оказывалась в современном мире. Но каждый день, приходя домой, я смотрела копии.

В другие моменты я плакала, жалея их исковерканные жизни, размышляя о надеждах, с которыми мои родные начинали жить. Тогда мне представлялась жизнь дедушки. Вот они с радостью приняли революцию, с надеждой на лучшее, как и многие молодые люди в то время. Вот у них родилась дочь, они переехали в Москву...

Бывало, что эти угнетенные чувства сменялись мгновениями надежды: если бы все по-другому сложилось, то можно было бы избежать смерти. А можно ли было этого конца избежать? Я начинала продумывать, как он смог бы этого избежать. Что если бы он уехал? Некоторые уезжали, скрывались, и их не арестовывали. Но я понимала, что это было невозможно, так как он был директором. Мелькала мысль: а если бы он отказался ехать в Ростов, то его бы не расстреляли. Но работая в Главке, где всех сажали и расстреливали, трудно было бы избежать репрессий.

Я пыталась найти хоть что-то, что сможет мне помочь понять, объяснить то, что я увидела. Найти ту соломинку, за которую можно удержаться. Я смотрела сайты о терроре, материалы «Мемориала», просто искала фамилию моего дедушки, набирая ее в поисковике. Я очень нуждалась тогда в поддержке. Я каждый день — и дома, и на работе — обсуждала мои переживания, мою боль. Дома я не чувствовала поддержки, так как все члены семьи были шокированы, все испытывали противоречивые чувства. И сын, и дочь, и муж — все были подавлены, так как дедушка на суде не отказался от своих показаний. Лишь коллега оказывала моральную поддержку, выслушивая меня. В это время мне безумно хотелось

рассказать другим о моем дедушке, о том, какой он, рассказать какие-то подробности его жизни.

Мне необходимо было все продумать, понять и объяснить себе и, возможно, детям, что он чувствовал. Я ни о чем не могла думать, только об этом. Я погружалась вглубь себя. У меня подступал комок к горлу и все тело сжималось. Чувства обиды, смятения, потерянности сменяли друг друга.

Я каждый день вновь смотрела копии документов. Прошло еще несколько дней, и я начинала принимать эту ситуацию. Я говорила со своим сыном почти каждый вечер. Всякий раз мы спорили.

— Правильно было бы отказаться на суде. Скорее всего, дедушка был в отчаянии, сломлен. Некоторые отказывались подписывать, отрицали все на суде, — пытался объяснить поведение дедушки мой сын. — Тех, кто выдерживал пытки и отказывался на следствии, иногда не расстреливали, а ссылали.

Мы наткнулись на холодную глыбу молчания. Но что за ней стояло? Безмолвие и пустоту показывали эти документы.

Встреча

В один из вечеров я нашла в Интернете книгу, изданную Ростовским «Мемориалом», «“Красное колесо” переехало и через Ростсельмаш». У меня промелькнула мысль, что там наверняка написаны подробности. Эта книга была в Мемориале, и уже на следующий день, несмотря на проливной дождь, я была там.

В читальном зале мне дали книгу — небольшую, чуть более 150 страниц. Написал ее И.М. Весельницкий [2], сын одного из репрессированных. Я лихорадочно просматривала страницу за страницей. Нашла! На страницах стала появляться фамилия Карташев.

Из книги я многое узнала. Я узнала из свидетельств людей, шедших по этому делу и оставшихся в живых, что их целыми днями допрашивали стоя, а ночью, отводя в камеру, не давали спать. Я узнала, что всего на заводе было арестовано 130 человек, из которых 52 были расстреляны, а 17 отправлены в лагеря. Все судьбы были разными. Кто-то умер в тюрьме, кто-то, боясь ареста, покончил с собой. У кого-то допросы состоят из 40 страниц, а у кого-то из двух страниц, кому-то было 20 лет, а кому-то за 50. Чьи-то дела решали местные органы, а чьи-то подписывал Сталин. Годом позже многих из тех, кого посадили, потом отпустили, так как изменилась политика.

В книге я нашла некоторые подробности, которые кое-что стали объяснять и давали представление о том, что там происходило. Про моего дедушку я узнала, что из Москвы в Ростов его отправили, чтобы исправить последствия вредительства на заводе. Там он проработал одиннадцать месяцев.

Из прочитанного мне стало ясно, что через три месяца после вступления в должность директора мой дед начинает находиться в оппозиции НКВД. Он понимает, что его хотят использовать для поисков «врагов народа». Он пытается отстраниться от этого, отказывается в этом участвовать. Он понимает, что некоторые работники, которые были сняты им в процессе кадровых перестановок, вскоре были арестованы.

Поняв всю ситуацию и то, что он следующий претендент на арест, дедушка при выборе членов на партконференцию, которая должна была оценивать работу других и тем самым подписать приговор, делает самоотвод, чтобы в этом не участвовать [2].

Он не выдержал пыток, но на суде не видел смысла что-либо им говорить. Там он тоже самоотстранился. Думаю, что, глядя в лицо смерти, человек ведет себя так, чтобы соответствовать самому себе. Картина переживаний моего дедушки прояснялась.

В конце концов я приняла все то, что увидела в деле: расстрел, подписи в протоколе, поставленные в результате пыток, и не отказ от своих показаний на суде. Я встретила с дедушкой. Мой дедушка вернулся ко мне.

Конечно, я до конца не узнала, кто прав — я или мой сын. Что в действительности дедушка и его коллеги чувствовали перед лицом смерти? У человека перед лицом смерти нет единственно правильного поведения. У каждого своя правда. Их состояние и поведение до конца трудно объяснить, особенно когда понимаешь, что их пытали и расстреливали бывшие друзья и соратники. Сложность их ситуации была в том, что они, возможно, продолжали себя идентифицировать с ними.

Заключение

Некоторые травмирующие воспоминания утяжеляют жизнь. Надо ли об этом писать, вспоминать родных? Писать письма с просьбой предоставить архив? Бояться? Ради чего? Что мне это даст? Может быть, надо «не будить спящую собаку»? Надо или не надо знакомиться со своей скрытой стороной? В данном случае с делами своих родителей или пра-родителей. Это вопросы, на которые нет единого ответа. Каждый потомок решает этот вопрос самостоятельно.

В тот момент, когда я столкнулась с молчанием документов, у меня промелькнула мысль: наверно, не надо ходить смотреть архив. В первое время вскрытие этого тайного знания не дало облегчения, не дало исчезнуть боли. Наоборот, оно вскрыло и обострило трагедию моей семьи. Правильно ли я поступила? Что потом мне делать с этой болью, с этой вскрытой раной?

Если родственник не был расстрелян и выжил после репрессий, то потомки его помнят, ведь несмотря на то, что арест и заключение были трагическим событием, за ними следовала встреча и дальнейшая жизнь. А когда репрессированный был расстрелян или умер в тюрьме без встречи с родственниками, возникает ощущение недосказанности между погибшим и потомками.

Б.В. Зейгарник своим открытием о приоритете в памяти незавершенных действий относительно завершенных, по сути, дает обоснование необходимости осмысления и переживания травматических событий, относящихся к истории твоего рода и возникающих в качестве «белых пятен» в жизни последующих поколений [4; 5].

Потомок репрессированного, пока не продумает и не узнает подлинных подробностей о жизни своего родственника, будет испытывать тревогу, связанную с незнанием трагического финала жизни. Это желание в раскрытии своих семейных тайн созревает не сразу. Потребность вспомнить и проработать травмирующее событие как в своей жизни, так и в истории семьи осознается во второй половине жизни (после 40 лет), когда человек становится более зрелым и готовым к такому характеру работы [8]. У потомков жертв репрессий может возникнуть желание вернуть в память, подняв из архивов, любую информацию о своих близких, какой бы она ни была тяжелой и пугающей.

При знакомстве с архивами репрессированных родственников важен процесс самоанализа и обсуждения своих переживаний со всеми членами семьи. Раскрытие белых пятен семейной истории приводит к более цельному переживанию себя, своей идентичности и своей жизни. Эти события сохраняют травмирующее значение и по настоящее время. Работа по интеграции семейной истории в семью потомка проходит трудно. Тем более что в обществе эта проблема остается не решенной. Пытаясь объяснить поведение своих родственников, потомки используют такой защитный механизм, как проекция, приписывая своим репрессированным родственникам собственные ощущения и переживания. Идентифицируясь с родственником, который был репрессирован своими соратниками, мы идентифицируемся с двойственностью его отношения к ситуации. И проблема идентичности родственника становится проблемой потомка. Вот почему обсуждение и анализ этих проблем представляется важным не только для поиска личной и семейной идентичности, но и для разрешения этой проблемы в общественном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ван Альфен Э.* Проявления травмы и постпамять [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LZ7hZn2cOec> (дата обращения: 01.02.2016).

2. *Весельницкий И.М.* «Красное колесо» переехало и через «Ростсельмаш» (хроника террора 30-х годов): Книга памяти жертв полит. репрессий работников «Ростсельмаша». Ростов: Ростовская региональная ассоциация жертв незаконных политических репрессий «Мемориал», 1999. 165 с.
3. *Заболоцкий Н.А.* История моего заключения [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/ZABOLOCKIJ/istoriya.txt> (дата обращения: 17.02.2016).
4. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986. 286 с.
5. *Инина Н.* Испытание детством. М.: Никая, 2015. 192 с.
6. *Линдеман Э.* Клиника острого горя // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 212—220.
7. *Мюррей М.* Узник иной войны. М.: HRI Press, 2004. 111 с.
8. *Холлис Дж.* Перевал в середине пути. Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. М.: Когито-Центр, 2009. 208 с.
9. *Niven N.* Health Psychology for Health Care Professional. Edinburgh; New York: Churchill Livingstone, 2000. 244 p.

THE EXPERIENCE OF OVERCOMING TRAUMA CAUSED BY GETTING ACQUAINTED WITH ARCHIVAL INVESTIGATION FILE OF A REPRESSED RELATIVE

N.A. SHEMANOVA*,
Russian State University for The Humanities, Moscow, Russia,
autumn57@mail.ru

The article describes a case when exploring archival investigation file of the repressed and executed relative is accompanied by the emergence of delayed posttraumatic stress disorder. Feelings that emerged during contact with the investigation file: fear, resentment and confusion, shame, the desire to keep a secret are discussed. The difference between experiences of relatives of the Gulag victims and relatives of victims of other historical events or disasters is examined. The article considers protective and adaptive mechanisms that help to overcome psychological trauma.

Keywords: posttraumatic stress, delayed reaction, projection, defense mechanisms, repressed relative, trauma.

For citation:

Shemanova N.A. The Experience of Overcoming of Trauma Caused by Getting Acquainted with Archival Investigative Case of Repressed Relative. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 1, pp. 169—180. doi: 10.17759/cpp.20162401011. (In Russ., abstr. in Engl.)

* *Shemanova Natal'ya Alekseevna*, Leading Expert, Institute for Linguistics, Russian State University for The Humanities, Moscow, Russia, email: autumn57@mail.ru

REFERENCES

1. Van Al'fen E. Proyavleniya travmy i postpamyat' [Elektronnyi resurs]. [Manifestations of a trauma and post-memory]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=LZ7hZn2cOec> (Accessed 01.02.2016).
2. Vesel'nickii I.M. «Krasnoe koleso» pereekhlo i cherez «Rostsel'mash» (khronika terrora 30-kh godov) ["The red wheel" moved and through "Rostselmash" (the chronicle of terror of the 30th years)]. Rostov: Rostovskaya regional'naya associaciya zhertv nezakonnykh politicheskikh repressii «Memorial», 1999. 165 p.
3. Zabolotskii N.A. Istoriya moego zaklyucheniya [Elektronnyi resurs] [The story of my imprisonment]. Available at: <http://lib.ru/POEZIQ/ZABOLOCKIJ/istoriya.txt> (Accessed 17.02.2016).
4. Zeigarnik B.V. Patopsikhologiya [Pathopsychology]. Moscow: Publ. MGU, 1986. 286 p.
5. Inina N. Ispytanie detstvom [The test with childhood]. Moscow: Nikeya, 2015. 192 p.
6. Lindeman E. Klinika ostrogo gorya [Clinic of acute grief]. In V.K. Vilyunas, Yu.B. Gippenreiter (eds.) *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. Moscow: Publ. MGU, 1984, pp. 212—220.
7. Murray M. Uznik inoi voiny [Prisoner of Another War]. Moscow: HRI Press, 2004. 111 p.
8. Khollis Dzh. Pereval v seredine puti. Kak preodolet' krizis srednego vozrasta i naiti novyi smysl zhizni [The middle passage. From Misery to Meaning in Midlife]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2009. 208 p.
9. Niven N. Health Psychology for Health Care Professional. Edinburgh; New York: Churchill Livingstone, 2000. 244 p.